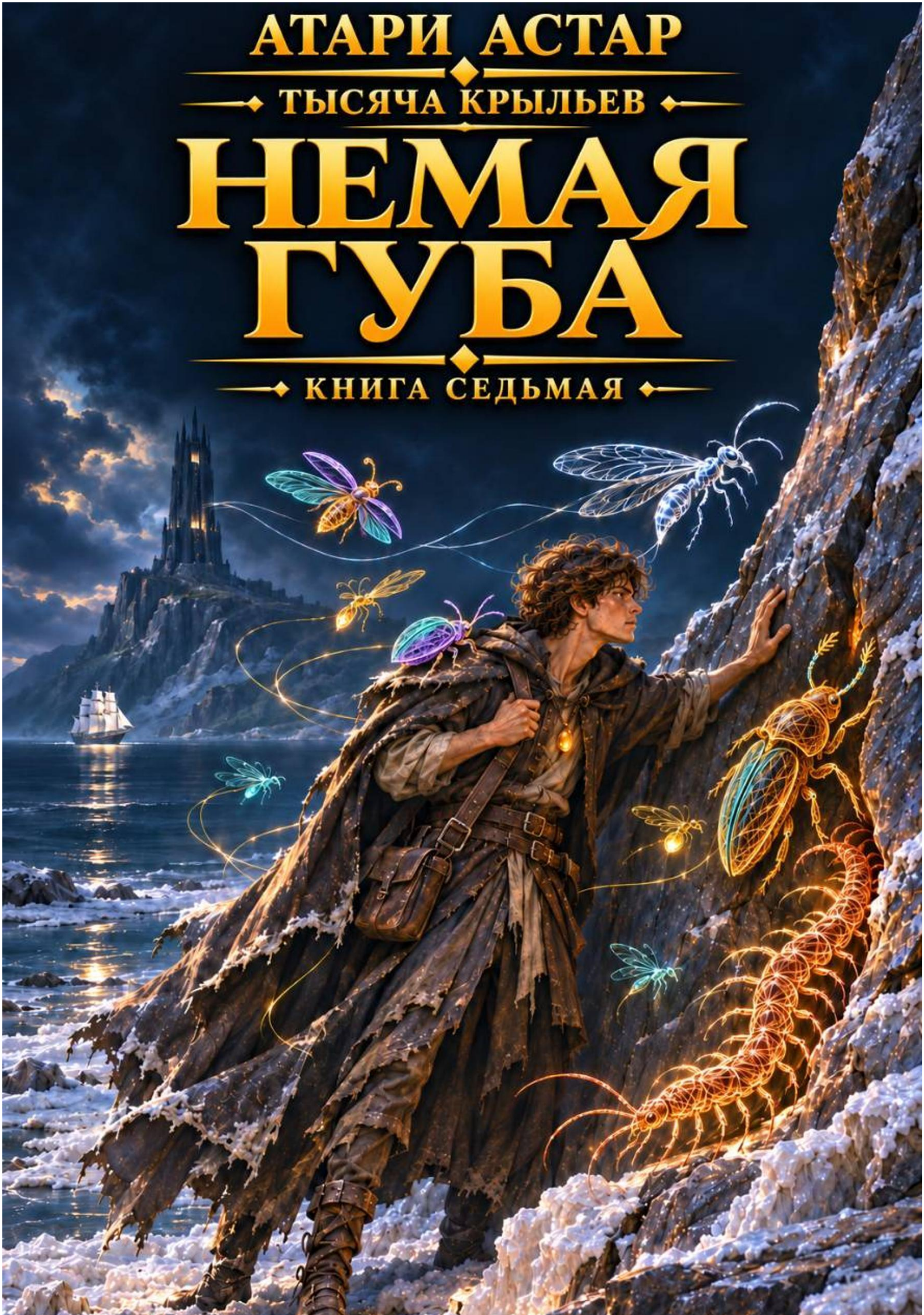

АТАРИ АСТАР
ТЫСЯЧА КРЫЛЬЕВ
НЕМАЯ ГУБА
КНИГА СЕДЬМАЯ

Атари Астар

Немая губа

«Тайниковский»

2026

Астар А.

Немая губа / А. Астар — «Тайниковский», 2026

Я всегда считал себя обычным лесорубом. Ну, почти обычным. Всё-таки не каждый умеет плести из магических нитей жуков, ос и прочую живность.Но теперь выясняется, что мои способности — далеко не самое необычное во мне.За морем живут люди, которые знают правду о моём отце. Люди, для которых жук на воротнике — знак власти, а происхождение значит куда больше, чем твои поступки.И, кажется, некоторые из них уже пытались до меня добраться.Чтобы найти ответы, мне придётся оставить родной мост, пересечь море и добраться до места, о котором даже бывалые путешественники говорят с опаской.До Немой губы.Там не слышно ни криков, ни шёпота. Там замолкает сама магия. А люди хранят тайну, за которую кое-кто готов убивать.Вот только это ещё не самое страшное.Потому что за морем меня ждёт не просто встреча с прошлым.Там мне придётся узнать, кто я такой на самом деле. И решить, кем хочу стать.А мои жуки Что ж, надеюсь, их окажется достаточно.

© Астар А., 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1. Стена 6
Глава 2. Приезжай 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Атари Астар
Немая губа

Тысяча крыльев

Книга седьмая. Немая губа

Глава 1. Стена

В то лето, когда Иву исполнилось шестьдесят два года, а выглядел он всё ещё на одиннадцать, весь нижний Истмар ходил купаться к третьей опоре нашего моста.

Началось это в середине июня, когда на город легла жара. Такая жара бывает в Истмаре раз в несколько лет: река мелеет, пахнет тиной и смолой с барж, черепица на крышах Суконной трескается по ночам, как орехи в печи, а собаки лежат в тени под телегами и не лают даже на кошек. В такую жару люди с набережной идут к воде, и вода не помогает. Она тёплая, как суп.

Возле третьей опоры вода была холодной.

Ив сидел на нижнем выступе опоры, свесив ноги в реку, и вокруг его ног, на три-четыре шага, вода темнела и становилась прозрачной, как в горном ручье. Если сунуть туда руку, ломило пальцы. Он не делал этого нарочно. Он просто сидел, и ему было хорошо, а то, что ему хорошо, растекалось от него по воде, тихо, как растекается масло.

Первым это заметил Пип, и через неделю у опоры плескалось полдесятка мальчишек с набережной, а потом пришли матери с младенцами и встали по колено в воду, блаженно закрыв глаза.

Ив сначала прятался. Потом перестал. Потом, на восьмой день, сам слез с выступа в воду, по пояс, и стоял там среди визжащих мальчишек, белоголовый, тощий, с двумя жемчужными вдовами на груди, похожими на брошки, и вода вокруг него ходила прохладными кругами.

— Ты им нравишься, — сказал я ему вечером.

— Нет, — возразил Ив. — Им нравится, что холодно.

— Это одно и то же. Сейчас.

Он подумал над этим, как думал теперь над всем, что я говорил: склонив голову, медленно, будто перекладывал мои слова с ладони на ладонь и проверял, не тяжелее ли одна другой.

— Ты не врёшь, — решил он наконец. И пошёл спать.

* * *

Я в то лето почти не спал. Не из-за жары.

Каждое утро, до света, я поднимался на крышу седьмой опоры. Туда ведёт железная лестница из мастерской Корра, и наверху, среди его сушёных трав, никто не мешает. Я садился там, спиной к трубе, лицом к реке. Отпускал всех, кого держал, кроме двух вдов на Иве и Королевы на плече. Она не уходила никогда. Шершни спали у неё на спине.

И упирался.

Стену я чувствовал с зимы. Там, на Посту, за хребтом, она была как весна за ставнями. Здесь, летом, у реки, она стала ближе. Я чувствовал её каждую ночь, когда засыпал, каждое утро, когда просыпался. Как чувствуешь стену в тёмной комнате, когда идёшь к двери: ещё не коснулся, но знаешь, что вот она, в ладони от лица.

Двадцать восемь нитей. Я перебирал их на крыше по одной. Бурые, железные, эфироточец. Вдовы, три вида. Осы, шершни, Королева. Светляки, ищейки. Щитоноски, зеркальная. Двадцать восемь, и все на месте, и каждая лежала в Искре, как полено в поленнице, плотно, без щелей. Двадцать девятой некуда было лечь.

Я открывал Око. Через бурых на перилах, через вдов на Иве, через ос, которых пускал над рекой. Тридцать вдохов. Тридцать пять. Сорок. На сороковом голова начинала гудеть, как колокол Эдрика, когда по нему бьют не в лад, и всё, что я видел через своих, становилось мутным, как через промасленную бумагу.

На сорок первом из носа шла кровь.

Я закрывал Око, вытирал лицо рукавом, ждал, пока перестанет гудеть, и начинал снова.

На девятый день Вард поднялся ко мне на крышу.

Он поднимался медленно. Лестница была крутая, а Варду было за семьдесят, и левый глаз у него был белый, так что ступени он нащупывал ногой, прежде чем на них встать. Я хотел подать ему руку. Он посмотрел на меня правым глазом, и я передумал.

Он сел рядом, на ящик с сушёной ромашкой. Посмотрел на реку. На рукав, которым я вытирал нос.

— Сорок один, — произнёс он.

— Сорок два вчера.

— А позавчера?

— Сорок.

— Что делал Хальден, если дуб подрублен, а не идёт? — спросил он.

— Отходил, — ответил я. — Садился на пень. Ел хлеб.

— Почему?

— Потому что дерево падает, когда падает. Его не толкнёшь. Толкнёшь, оно сядет на подруб, зажмёт топор, и будешь потом полдня вынимать. Или пойдёт не туда.

— Вот, — кивнул Вард.

— Это не дерево.

— Нет, — согласился старик. — Это хуже. Дерево хотя бы знает, куда падать, — он помолчал, глядя на баржу, которая шла к пристани, тяжело, низко сидя в воде. — Стену не берут лбом, Тэйн. Через неё не продавишься, сколько ни дави. Ты на неё обопрёшься, потом ещё раз, потом ещё, а однажды обопрёшься и упадёшь вперёд, потому что её не будет. И ты даже не поймёшь, когда это случилось. Поймёшь потом.

— Когда?

— Когда тебе будет не до стены, — ответил мастер. — Так всегда.

Он встал, тяжело, опираясь на мою руку. На этот раз позволил. И пошёл вниз, нащупывая ступени.

* * *

Не до стены мне стало через три дня. Но сначала был Корр.

Корр писал книгу. Не трактат, книгу. Он сам так говорил, с ударением. Писал он её в мастерской, на полу, потому что на столе не помещалось. Листы лежали везде: на полу, на верстаке, на подоконнике, на спящем в углу Иве, который не возражал. Каждый лист был исписан мелко, с рисунками на полях. Схема того, как четверо держат одного, начерченная углём и раз пять перечёркнутая.

В четверг он позвал меня в мастерскую и показал старую тетрадь. Свою, из первого года, засаленную, с обгоревшим углом. Ткнул пальцем в страницу.

«Больше эфира — пузырь. Жук лопнул. Не больше. Плотнее?»

Почерк был молодой, торопливый. Вопросительный знак Корр обвёл три раза.

— Помнишь? — спросил он.

Я помнил. Корр тогда залил в моего бурого втрое больше эфира, чем нужно, чтобы посмотреть, что будет. Жук раздулся, как бычий пузырь, засветился и лопнул у меня на ладони с таким звуком, будто кто-то хлопнул в ладоши. Меня потом тошнило до вечера.

— Ты тогда писал, что это тупик, — напомнил я.

— Писал, — признал Корр. — А потом приписал «плотнее» и забыл. Четыре года назад, — алхимик посмотрел на меня поверх очков. — Я сейчас всё перечитываю, для книги. Всё, что писал. И вижу, сколько я тогда не понял. Это неприятно.

— Хм, — подал голос Ив из угла. Он не спал.

Корр не обернулся.

— Попробуй, — велел он мне. — Не больше. Плотнее. Одного бурого. Возьми эфира, сколько на троих, и вложи в одного, но не раздувай. Сожми. Как… — он поискал слово. — Как ты смолу варил. Помнишь? Ведро смолы, а выходит кружка. Та же смола. Только гуще.

Я взял одного бурого с перил. Посадил на ладонь.

Он был обычный. Бурый древоточец в половину ладони, сплетённый из тёплых коричневых нитей, с жвалами, похожими на маленькие клещи, и с усиками, которые всё время шевелились. Четыре года я плёл их, и ни разу не плёл одинаковых. Этот был чуть шире в плечах, чем другие, и любил сидеть на дубе.

Я начал вливать эфир. Медленно. Не так, как Корр в тот первый раз, рывком, а как льют масло в лампу, следя за краем. Бурый на ладони потеплел. Потом потяжелел. Нити на его спинке потемнели, стали густыми, как мёд, и начали светиться изнутри.

— Не раздувай, — предупредил алхимик. — Вижу. Он растёт. Не давай ему расти.

Я не давал. Я держал его так, как держат в кулаке птенца, чтобы не выпорхнул, но не раздавить. Эфир шёл в него, а он не рос. Он становился тяжелее. Тяжелее. На ладони у меня лежал уже не жук, а камень. Речная галька, размером с жука, которая весила, как подкова.

— Ох, — тихо выдохнул Корр.

На один вдох я почувствовал. Что-то за стеной. Как будто ставни, о которых я думал всё лето, скрипнули. Не открылись. Скрипнули.

Потом бурый лопнул.

Не так, как четыре года назад, со звуком. Без звука. Он просто рассыпался нитями, тёмными, густыми, тяжёлыми, и нити упали мне на ладонь и на пол, как будто я уронил горсть мокрого песка, и погасли. Меня ударило в затылок. Откатом, но не таким, как обычно, когда чужая рука рвёт особь. Изнутри. Как будто я сам себе дал подзатыльник.

Я сел на пол. Рядом с Корром. На лист со схемой четверых.

— Ну, — протянул Корр. Алхимик смотрел на мою ладонь. — Ну.

— Стена, — выдавил я. Говорить было трудно. — Корр. Я её почувствовал. На один вдох. Она скрипнула.

Корр долго ничего не говорил. Потом вынул из-за уха огрызок карандаша, раскрыл старую тетрадь на той же странице и под своим молодым «Плотнее?», обведённым три раза, написал медленно, своим нынешним почерком: «Да. Но не сейчас».

— Почему не сейчас? — спросил я.

— Потому что ты сидишь на полу, — ответил Корр. — И у тебя кровь из уха. Нет, не трогай. Маленько. Пройдёт.

Ив вылез из угла, подошёл и сел рядом с нами на пол. Тоже на лист. Посмотрел на тёмные нити, которые гасли на досках.

— Он умер? — спросил мальчик.

— Нет, — ответил я. — Он не живой. Он мой. Я сплету его снова.

— Такого же?

Я подумал.

— Нет, — признался я. — Такого уже нет.

* * *

Через три дня с верховьев пришёл лес.

Плоты гнали в Истмар каждое лето. С Кедрового хребта, где я когда-то делал подсочку, с северных вырубок, с Липовых холмов. Плоты по двадцать-тридцать брёвен, на скобах и цепях, проходили между опорами впритирку, как нитка в игольное ушко. Уна следила за этим со своего места у третьей опоры, и вода между опорами ложилась гладко.

В тот день в верховьях прошла гроза. А утром река поднялась на локоть и стала бурой, и по ней пошёл лес не связками, а как попало. Брёвна с сорванных плотов плыли вразнобой, а за ними шли плоты, с которыми плотогоны не справлялись.

Первое бревно ударило в пятую опору в девятом часу. Я слышал удар внизу, в мастерской, через бурого, сидевшего в перилах. Как будто кто-то стукнул кулаком в дверь.

К десятому часу между пятой и шестой опорами застряли четыре плота. Поперёк. Один на другом. А на них, как на запруду, легло всё, что плыло сверху: брёвна, сучья, чей-то сарай с крышей, мёртвая корова, бочки. Вода за затором поднялась так, что пошла поверх нижних выступов опор. Мост гудел. Не так, как гудит обычно, когда вода высокая, а низко, тяжело, всеми опорами разом, и в мастерской Корра с полки один за другим падали горшки.

— Опоры выдержат? — спросил я Уну.

Уна стояла у перил над третьей опорой, положив обе ладони на дерево. Она не обернулась.

— Опоры да, — ответила прачка. — Это мост. Его строили, чтобы выдерживал, — она смотрела вниз, на затор. — А вот люди там нет.

Тогда я их увидел. Между брёвен на втором плоту торчала рука, и ещё одна, дальше. Плотогонов зажало, как зажимает пальцы дверью.

— Тиль, — сказал я.

Тиль уже стояла рядом. С посохом. Она закрыла глаза.

— Трое, — произнесла девочка. — Нет, четверо. Один под водой, но дышит. Там воздух, под брёвнами. Пузырь. Он держится за цепь. Двое на втором плоту, у пятой опоры. Один на верхнем, ему ногу зажало. Он кричит громче всех, но ему не больнее всех. Больнее тому, кто под водой. Он не кричит.

* * *

Четыре года назад, в первой большой драке, я посадил всех своих десятерых на ключ. Подгрызи бревно, которое держит завал, и завал пойдёт.

Здесь ключей было три. Я пустил на затор всех четырнадцать бурых, и через них слышал, как затор дышит. Свободные брёвна стонали тонко и коротко, а те, на которых держалось остальное, гудели низко, как струна. Таких было три. Одно у пятой опоры, поперёк, толстое, лиственничное. Одно в середине, наискось, торчком. И одно под водой, которого я не видел, только слышал.

— Если подгрызть все три, — сказал я, — пойдёт всё разом. И их раздавит.

— Значит, не все три, — ответила Уна. Она так и не обернулась.

— Значит, по одному. И сначала вынуть людей.

Сорен уже снимал сапоги. Он не умел плавать. Он научился за эту зиму только тому, чтобы не бояться воды, и ещё тому, что мне никогда не удавалось: шагнуть за спину удару. Он посмотрел на меня.

— Кто первый?

— Тот, что под водой.

— Я не нырну.

— Знаю, — ответил я. — Ты пойдёшь к тем двоим у пятой. Бо пойдёт с тобой. Иса, Сэлин, на набережную, держите людей, чтобы не лезли. Тиль здесь, говори мне, кто как. Королева…

Королева уже поднялась с моего плеча. Она сама решила, что нужно, как решала всегда с той зимы. Она пошла над водой низко, к затору, и три шершня пошли за ней цепочкой. Они сели на брёвна вокруг того места, где под водой был пузырь, и сидели там, тихо, и я через них слышал воду, чужое дыхание и звон цепи, за которую держался человек.

Вдов я пустил вниз по опоре. Четырёх жемчужных. Они спустились по мокрому камню, к воде, к брёвнам, и пошли под затор, в щели, туда, где воздух. Паутина у них держит эфир, а немного эфира есть у любого живого человека, даже без Искры.

— Нашла, — шепнула Тиль. — Твоя его нашла. Он испугался.

Я тоже почувствовал. Первая вдова коснулась руки, которая держала цепь. Рука дёрнулась. Потом нашла вдову на ощупь и поняла, что это не рыба. Сжала. Вдова накинула на неё нить. Вторая вдова накинула нить с другой стороны. Третья на пояс. Четвёртая на грудь.

— Держу, — сказал я, сам не зная кому.

Человек под водой отпустил цепь.

* * *

Железные бурые грызли скобы. Скобы на плотах из мягкого железа, такую железный перегрызает за двадцать вдохов. Я пустил их на верхний плот, туда, где зажало ногу. Три скобы, одна цепь. Бревно над ногой человека освободилось и поползло в сторону, медленно, со стоном, и Сорен с Бо, добравшиеся до затора по выступу пятой опоры, вытащили человека за плечи.

Это был мальчишка лет шестнадцати, ободранный до колена. Бо взял его под мышку, как мешок с мукой, и понёс к лестнице.

Двоих у пятой опоры зажало хуже. Над ними лежало лиственничное бревно, ключ, тот самый, что гудел, как струна. Если его тронуть, затор поползёт, и они уйдут под воду вместе с ним.

— Не грызть, — передал я через Тиль, через Сорена, через всех. — Его держать.

Бо вернулся. Без мальчишки. Встал на бревно, на ключ. Расставил ноги.

Я видел это сверху и через бурых. Бо стоял на лиственничном стволе, мокром, скользком, который гудел под ним и дрожал, потому что на него давил весь затор, сарай, корова, бочки и полреки воды. И бревно перестало дрожать.

Оно не перестало гудеть. Оно просто замерло, будто кто-то положил на него ладонь. Бурые, сидевшие на нём, почувствовали это раньше меня и замерли тоже. Бо стоял. Серое на его ногах, которое сходило пятнами с весны, проступило снова, от сапог до колен. Ровно.

— Ох, — выдохнула рядом со мной Тиль. — Он тяжёлый.

— Он всегда тяжёлый.

— Нет, — возразила девочка. — Сейчас тяжелее. Я слышу. Бревно под ним говорит «тяжело».

Сорен залез под лиственницу, в щель, туда, где двое. Я видел его через бурого. Он лежал на животе на мокрых брёвнах, по пояс в воде, и тянул первого за ворот. Тот не шёл. Нога. Сорен посмотрел вверх. На бревно над головой. На Бо.

— Держи, — попросил он Бо.

— Держу, — ответил великан. Второе слово за весь день.

Двое вылезли. Один сам, второго Сорен тащил. Бо сошёл с бревна последним. Бревно снова задрожало.

Четвёртого, того, что под водой, вдовы держали на нитях, и человек держался за вдов, а я держал вдов. Я тянул его наверх, к воздуху, медленно, через щели между брёвнами. Вдовьи нити звенели у меня в Искре, как тетива, но держали. Королева сидела на бревне над тем местом, где он должен был вынырнуть. Шершни рядом. Они его ждали.

Он вынырнул между брёвнами, в пяти шагах от пятой опоры. Хватанул воздух. Закашлялся. Королева поднялась над ним, сделала круг, и мне показалось, что она смотрит на него так, как Мэб смотрит на тесто: поднялось или нет. Поднялось.

Сорен вытащил его на выступ, мокрый до шеи.

— Все, — сообщила Тиль. — Четверо. Больше никого.

* * *

Затор пошёл к полудню.

Я подгрыз ключи. Сначала тот, что под водой: туда я пустил всех бурых, что были свободны, и они грызли его, а я держал вдов на опоре, чтобы, если пойдёт, поймать хоть что-то. Потом средний, торчком. Затор качнулся, как пьяный, и вода за ним вздохнула. Потом лиственницу у пятой опоры.

И всё пошло. Разом, как я и говорил. С таким грохотом, что Пип на верхней площадке упал на спину. Брёвна, плоты, сарай, бочки. Корова. Вода хлынула в пролёт, и мост загудел так, что, наверное, было слышно в Липовых холмах. И потом стало тихо.

Брёвна уходили вниз по реке, к лесной пристани, кружась и толкаясь. Сарай плыл последним, торжественно, как барка с купцом. Вода между пятой и шестой опорами снова легла ровно.

Я стоял у перил и смотрел, как уходят брёвна. Голова у меня была как улей, который потрясли. Рядом стояла Уна и всё ещё держала ладони на перилах.

— Красиво, — произнесла она. И, наверное, имела в виду не брёвна.

Потом убрала руки с перил. И только тогда я понял, что всё это время вода у третьей опоры, где плескались утром дети, лежала совершенно ровно, как в миске. Ни одной волны. Ни одного бревна не принесло туда, к Иву, к выступу, где он сидел, поджав ноги, и смотрел на затор, белый, как мел.

Я не видел, что Уна сделала. Правило гильдии.

* * *

Вечером мы ужинали на верхней площадке, все, потому что внизу было душно. Мэб кормила и плотогонов. Они сидели у перил в одеялах, ели молча и поглядывали на Бо, как смотрят на гору.

Тот, которого вытащили из-под воды, был немолодой, с бородой, с руками, как корни. Звали его Олдрен. Он долго смотрел на меня, пока ел, а потом поставил миску и подошёл.

— Это твои были? — спросил он. — Пауки?

— Мои.

— Я думал, всё, — признался Олдрен. — Вода, темнота, цепь. Держусь. Думаю, сейчас воздух кончится, и отпущу. И тут меня что-то за руку берёт. Мягко. Как ребёнок. Я думал, утопленник.

— Это вдова.

— Вдова, — повторил он. — Я тебе бревно пришлю. С хребта. Кедровое. Самое лучшее, какое будет.

— Зачем мне бревно?

— Не знаю, — пожал плечами плотогон. — Ты лесоруб. Я вижу. Ты на брёвна смотрел, как лесоруб. Пригодится.

* * *

Ночью, когда все спали, я спустился к двери опоры.

Бо стоял там, как всегда. Он не спал, кажется, никогда, а если спал, то стоя, как лошадь. Серое на ногах у него опять сошло пятнами. Я посветил светляком на дверь, и зимние царапины от отмычки и лома выступили из темноты, как морщины, когда свет падает сбоку. Тонкие, ровные. Кто-то работал умело и не спеша.

— Бо, — позвал я.

Бо посмотрел на меня.

— Ты их видел? Тех, кто ломился?

Бо долго молчал. Он вообще говорил так, как другие тратят последние деньги: по одной монете, и каждую разглядывал, прежде чем отдать.

— Нет, — ответил он наконец. — Слышал.

— Что слышал?

Бо подумал.

— Тихие, — произнёс великан. — Вежливые. Один сказал «простите», когда лом сорвался.

Я посмотрел на царапины. Потом на Бо.

— Ты мне раньше не говорил.

— Ты не спрашивал, — ответил Бо. И это была самая длинная речь, какую я от него слышал за год.

Я выпустил ищейку. Она покружила над царапинами и погасла у меня на пальце: следу было полгода, он выветрился. Я пошёл наверх.

* * *

На крыше было прохладно. Жара ломалась. С юга шёл ветер, влажный, солёный, такой, какой бывает только перед дождём или с моря.

Я сел у трубы. Вынул каплю из-за ворота.

Она была тёплой. Теплее, чем весной. Мотылёк внутри лежал головой на юг, как лежал с той ночи на Посту, и усики у него, два тонких волоса, были вытянуты вперёд, будто он что-то нюхал.

Я подержал её на ладони. Потом закрыл глаза и упёрся.

Не в стену. Вард прав, в стену упираться без толку. Я просто перебрал нити. Двадцать восемь. Того бурого, что рассыпался у Корра тяжёлым песком, я сплёл заново, и он вышел другой, уже в плечах.

Двадцать восемь. И там, где кончалась двадцать восьмая, где Искра упиралась в стену, мне на один вдох показалось, что стена стала тоньше. Как лёд в марте. Ещё держит, но уже слышно, как под ним течёт.

Я открыл глаза.

На реке, далеко внизу, у излучины, где река поворачивает к морю, горел огонь. Один, на воде. Потом второй, выше. Потом я разглядел мачты. Высокие, выше всех мачт на реке. И парус, который в темноте был не виден, потому что был чёрным.

Чёрный корабль шёл вверх по реке. Против течения, медленно, на вёслах, потому что ветра не хватало. Морские корабли не ходят до Истмара. Здесь для них мелко, и пристани не те, и мосты. Я ни разу за четыре года не видел, чтобы морской корабль поднимался выше устья.

Этот поднимался.

Королева у меня на плече проснулась. Шершни зашевелились у неё на спине. Капля на ладони стала горячей, как монета, которую подержали над свечой.

Я сидел на крыше и смотрел, как чёрный корабль Дагмар идёт к нашему мосту.

Глава 2. Приезжай

Под мост чёрный корабль не прошёл. Он встал на якорь в полумиле ниже, у старой соляной пристани, где глубже, и к утру вокруг него на набережной собрался весь нижний Истмар. Люди смотрели на высокие борта, на чёрные паруса, свёрнутые на реях, на резную голову на носу, женщину с закрытыми глазами, и говорили друг другу, что это пираты, что это Серп, что это кто-то приехал за долгами к советнику Кавеллу. Пип бегал между ними и всем рассказывал, что это к нам. Ему никто не верил.

Дагмар поднялась на мост сама, в девятом часу. Одна, в высоких сапогах, в кожаной куртке, с трубкой в зубах. Она шла по набережной так, будто набережная была её палубой, и люди расступались перед ней, сами не понимая почему. На лестнице она остановилась, посмотрела наверх, на перила, на Мэб у перил, и вынула трубку изо рта.

— Здесь кормят? — спросила она.

Мэб посмотрела на неё сверху. Долго, так, как смотрела на всех в первый раз, будто взвешивала на ладони.

— Здесь кормят, — ответила Мэб. — Своих.

— Я привезла вашему лесорубу письмо, — невозмутимо продолжила Дагмар. — И восемь человек, которых его друг выкупил за морем. Их в Истмаре ждут. Это считается?

Мэб подумала. Потом повернулась и ушла на кухню.

Через минуту она вернулась. С хлебом.

* * *

Письмо было короче первого. Почерк тот же, угловатый, тяжёлый, будто каждую букву Кассиан вырубал из камня.

«Тэйну. Мост, Истмар.

Был в губе. Там живут. Тихие. Про неё знают. Мне не сказали ничего, кроме того, что знают. Говорят, скажут только тебе. Сам. Своими ушами.

Те, с жуками, были там до меня. Тихие их не пустили. Как, не понял.

Приезжай. Дагмар довезёт.

Не дури.

— К.»

Я прочитал его три раза, стоя у перил. Потом отдал Варду. Вард прочитал один раз, поднеся близко к правому глазу. Отдал обратно.

— Ну? — спросил он.

— Еду.

— Это я понял, когда ты ещё не дочитал, — хмыкнул Вард. — Я спрашиваю, как.

Дагмар сидела за длинным столом на кухне и ела. Мэб поставила перед ней миску похлёбки, потом вторую, потом хлеб, потом, подумав, кусок сыра из своего личного запаса, который она прятала даже от Пипа. Дагмар ела быстро и аккуратно, как едят люди, которые давно живут там, где еду может смыть волной.

— Как, — повторила она, не отрываясь от миски. — Я стою здесь два дня. Высаживаю ваших. Потом иду вниз, в Тирру, там у меня ещё трое, и вода, и солонина, и одна мачта, которую надо посмотреть. Потом в море. Хочешь со мной, грузись послезавтра. Хочешь сам, иди сам, но в Тирру приходи к новолунию. Синяя пристань, северная гавань. Не придёшь, уйду без тебя. Орре сказал ждать до новолуния, я жду до новолуния. Не до утра после него.

— Почему ты поднялась по реке? — спросил я. — Сюда же морские не ходят.

Дагмар посмотрела на меня поверх миски.

— Потому что Орре заплатил, — ответила она. — За то, чтобы я не ждала, пока письмо дойдёт с почтовой лодкой, а потом пока ты дойдёшь до Тирры. Он торопится, твой Орре. Я

его таким не видела, — она вытерла миску хлебом. — И ещё потому, что трое из моих восьми идут на одной ноге. До Истмара посуху им месяц.

* * *

Восьмерых высаживали весь день. Я стоял на соляной пристани и смотрел, как они спускаются по сходням. Двое мужчин, пятеро женщин, одна девочка лет двенадцати, которая держалась за руку самой старой из женщин и ни на кого не поднимала глаз. Все в чистом, в одинаковых серых куртках, которые Кассиан, наверное, купил им в Ксарете на всех разом. Все худые.

Их ждали. Не все, не всех. Но на пристани стояли люди. Старик с палкой, который, когда увидел одного из мужчин на сходнях, сел прямо на мокрые доски. Женщина с корзиной, которую она уронила. Два брата-бондаря с Нижней улицы, которые пришли за сестрой. Сестра их не узнала. Они её узнали.

Иса стояла рядом со мной с листом. Она читала имена. Вслух, громко, по одному, и каждое имя, которое она называла, кто-то на пристани подхватывал и повторял. Восемь имён из Книги Сада. Восемь строчек, на которых Кассиан поставил свою черту.

Последней сошла женщина с бурыми руками. Не бурыми уже. Светлыми, с бурым только у ногтей, там, где краска въедается так, что не отмыть никогда. Она была седая и молодая сразу, и глаза у неё были выцветшие, как ткань, которую долго держали на солнце.

Её никто не ждал.

Она остановилась на последней сходне и посмотрела на набережную, на людей, на мост, на нас. Иса посмотрела в лист.

— Шестой ряд, — прочла она. — Девяносто четвёртый столб.

— Да, — ответила женщина. — Так меня звали.

— А как тебя зовут теперь?

Женщина подумала. Я видел, как она думает. Медленно, как человек, который давно не открывал какую-то дверь и не уверен, что за ней.

— Не знаю, — наконец ответила она. — На корабле меня звали Красильщица. Дагмар так звала. Мне нравится. Но это не имя.

— Можно пока так, — кивнула Иса. — Пока не найдёшь.

— Где ищут имена? — спросила женщина.

Иса посмотрела на меня. Я посмотрел на мост.

— Там, — ответил я. — Наверху. У нас есть один, который назвал себя сам. Небо. Он тебе расскажет.

* * *

Решали за ужином, в мастерской Корра, потому что на кухне было слишком много людей.

Решать было что. Дагмар уходила в Тирру послезавтра, а Тирра в двадцати днях пути на юг по суше и в двенадцати по реке и морю, с заходами. Посуху длиннее. Но посуху, на юге, у самого моря, в четырёх днях от Тирры, стоял Пост Второй. Белые дюны.

Иса положила на верстак список. Тот самый, который она вынула у Морвейна зимой, на Посту, переписанный теперь её почерком, ровным, без завитков. Семь строчек. Седьмая, наша, была зачёркнута одной чертой, и рядом рукой Исы приписано: «Гильдия. Навечно».

— «Пост Второй, Белые дюны, — прочитала Иса. — Остаток устойчив», — она подняла голову. — Это всё, что мы знаем. Восемь слов. Седьмой тоже был «устойчив», по донесениям.

— И что там оказалось, — заметил Сорен.

— И что там оказалось, — согласилась Иса.

— Указ говорит, остальные «посмотрит гильдия», — напомнил Вард из угла. Он сидел на табурете у печи, спиной к стене, как всегда, и я видел только его правую сторону. — «Когда сочтёт нужным». Император не торопит. Империя не будет мешать, — он помолчал. — Но и помогать не будет. Это значит, что, если гильдия не посмотрит, не посмотрит никто. Шестьдесят лет никто не смотрел.

— Ты хочешь, чтобы мы пошли туда, — сказал я.

— Я ничего не хочу, — проворчал старик. — Я старый. Я хочу спать. Но ты теперь хозяин семи башен. Одной навечно, шести «посмотрит». А хозяин, который не смотрит своё, это не хозяин. Это вывеска.

Я посмотрел на список. На восемь слов. «Остаток устойчив». За этими двумя словами на Седьмом был мальчик, который шестьдесят один год лежал на камне и мёрз.

— Посуху, — решил я. — Через дюны. В Тирру к новолунию.

— Успеем? — спросил Сорен.

— Если не будем спать, — ответил я.

— Ты и так не спишь, — заметила Тиль.

* * *

Кто пойдёт, решали дольше.

Я пойду. Это было ясно. Сорен пойдёт: он сказал это так, что спорить никто не стал, даже Рия, которая открыла было рот, посмотрела на него и закрыла. Иса пойдёт, потому что там бумаги, и печати, и чужой язык, а ложь в чужом языке Иса пока не слышала, но хотела услышать. Тиль пойдёт, потому что Уна сказала: «Твоя слышит, где кричат», а за морем, по словам Дагмар, кричат везде. Сэлин пойдёт.

— Сэлин, — сказал я. — Ты не обязана.

Сэлин сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела в окно, на реку, на чёрный корабль у соляной пристани. Тень у неё на подоконнике лежала ровная, полная, тёмная.

— Сэра моя бабка, — произнесла она. — Её увезли за море. Моя мать за морем. С Искрой. Я её не помню, — островитянка повернулась от окна. — Я не обязана. Я хочу.

— На море твоя тень своя, — сказал я. — А там, на том берегу?

— Не знаю, — ответила Сэлин. — Узнаю.

Рия и Лейн оставались. Это тоже решилось само, без спора. Ив. Две вдовы на нём держались почти даром, но держал их я, а Корр сказал то, что я и сам знал: особь Кандела держится сама, но нить тянется до полумили, а дальше рвётся. Через море не дотянешь. Через Империю тоже. Вдов придётся снять.

— Если ему станет холодно без них, — сказал я Рие, — поставь ему печать.

— На него? — Рия посмотрела в угол, где на полу у Корровых листов спал Ив. — Он же холодный. Печать горна на холодного…

— Ты на Посту ставила на меня. Зимой. Я тоже был холодный.

Рия подумала. Потом кивнула.

— На двоих сразу не держала, — призналась она. — Только на одного. Если на Ива, у меня огня останется на треть.

— Значит, научишься на двоих, — заявил Лейн. Мальчишка лежал на полу рядом с Ивом, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. — Пока Тэйн там. А я научусь греть на расстоянии. Без касания. Я уже почти могу. Вчера через комнату свечу зажёг.

— Ты её поджёг, — фыркнула Рия. — Она сгорела вся сразу.

— Зажёг, — повторил Лейн. — Сильно.

* * *

Когда все разошлись, Корр задержал Сорена у двери. Я видел это, потому что задержался тоже: искал под листами Корра свою тетрадь.

— Дай руку, — попросил Корр.

Сорен дал. Корр взял его ладонь в свои, повертел, как вертят яблоко, проверяя бочок, и вдруг отпустил, будто обжёгся.

— Давно? — спросил Корр.

— С весны, — ответил Сорен. Он не стал спрашивать, что «давно». — По ночам. Под грудиной. Как будто проглотил уголь и он не гаснет. Днём ничего.

— И просыпаешься мокрый.

— И просыпаюсь мокрый.

Корр снял очки и протёр их краем рубахи. Он всегда так делал, когда хотел сказать что-то, что не помещалось в слова сразу.

— Налился, — произнёс алхимик. — Тиар у тебя кончается, Сорен. Тесно ему. Будет Закалка. Не знаю когда. Знаю, что не здесь, — он надел очки. — Закалку не выбирают, она приходит. Тэйна она взяла, когда ему было некогда. Рию за хребтом, в снегу. Тебя возьмёт в дороге. Там, где будет нельзя.

— Почему там, где нельзя?

— Потому что так всегда, — пожал плечами Корр. — Я тридцать лет смотрю. Ни разу не видел, чтобы кому-нибудь было удобно.

Сорен посмотрел на свою ладонь. Потом на меня.

— Не говори Рие, — попросил он.

— Она уже знает, — ответил я. — Она горн. Она чувствует, когда рядом горячо.

Сорен подумал и, кажется, впервые за весь вечер улыбнулся.

* * *

Про Бо никто не сказал ни слова. Бо стоял у двери опоры. Бо всегда стоял у двери опоры.

Сказала Мэб.

Она пришла в мастерскую с подносом, на котором были кружки с горячим отваром, хотя жара ещё не совсем сломалась, раздала всем, не спрашивая, и встала у двери, вытирая руки о передник.

— Бо пойдёт, — заявила она.

Все посмотрели на неё.

— Мэб, — начал Вард.

— Бо пойдёт, — повторила Мэб. — Сколько лет стоит у двери. Никуда не ходил. Ему надо.

— А дверь? — спросил я.

— Дверь подержит Горст, — отрезала Мэб. — Горст лежит в своём гамаке с весны. Пусть встанет, — она посмотрела на Варда. — Ты же видел, что было в феврале. Кто-то ломился. Бо держал. А тот, кто ломился, теперь знает, что за дверью Бо. И что Бо ушёл, не знает.

— А если узнает? — спросил Сорен.

— Тогда узнает, что за дверью Горст, — ответила старуха. — И пусть ему будет хуже.

Вард долго молчал. Потом кивнул. Один раз, коротко.

Бо, когда ему сказали, ничего не ответил. Он посмотрел на дверь. На доски с вмятинами от собственной ладони изнутри, на царапины снаружи. На Горста, который спустился из своего гамака на якорных цепях впервые с весны и встал рядом, огромный, лысый, с обожжённым ухом, и смотрел на дверь так, как смотрят на старую знакомую.

— Иди, — пророкотал Горст. Голос у него был, как у сорвавшегося с горы камня. — Подержу.

Бо отошёл от двери. На шаг. Постоял. Ещё на шаг.

Горст положил ладонь на доски. Туда, где были вмятины Бо. Ладонь у Горста была больше.

* * *

Бревно Олдрена пришло на следующий день, к обеду.

Он не соврал. Он прислал его с первым же плотом, который шёл с Кедрового хребта, и плотогоны выкатили его на нашу нижнюю площадку, вчетвером, с руганью, по сходням. Кедр. Тяжёлый, смолистый, ровный, без единого сучка на два человеческих роста. Пах он так, что Мэб вышла из кухни посмотреть, что горит.

— Это что? — спросила Мэб.

— Бревно, — ответил я.

— Вижу, что бревно. Зачем?

Я не знал. Я смотрел на кедр, и руки у меня сами просились к топору, но рубить такое бревно на дрова было бы преступлением. Хальден бы не простил.

Бо подошёл и посмотрел на бревно. Долго. Потом нагнулся, взял его за один конец, приподнял и посмотрел вдоль, как смотрят вдоль доски, проверяя, не ведёт ли.

Четверо плотогонов катили его по сходням. Бо поднял конец одной рукой.

— Дубина, — произнёс великан.

Я посмотрел на кедр. На Бо. На кедр.

— Из этого?

Бо кивнул.

Мы делали её два дня. Я рубил. Бо держал. Дорн вышел из кузни и молча обошёл бревно три раза. Потом ушёл. Вернулся с тремя железными кольцами, которые лежали у него в углу кузни, я думаю, лет двадцать, и сказал: «Сюда. Сюда. И сюда».

Вышло так: в рост Бо, от его плеча до земли, толстая на конце, как голова у быка, тонкая у рукояти, чтобы ладонь Бо обхватывала её целиком. Три кольца Дорна на толстом конце. Смола проступала из кедра на срезе, золотая, и пахла лесом.

Я бы не поднял её двумя руками. Пип попробовал и сел.

Бо поднял её одной. Повертел. Положил на плечо, как кладут коромысло. И пошёл к лестнице.

— Ну, — одобрила Мэб. — Теперь можно.

* * *

Ив узнал последним. Это была моя вина. Я не знал, как сказать.

Я сказал вечером, у третьей опоры, где он сидел, свесив ноги в воду. Купальщики разошлись. Вода вокруг его ног была тёмной и прозрачной, а на ней, на этой прохладной тёмной воде, лежали отсветы фонарей с набережной.

— Я уезжаю, — сказал я. — За море.

Ив не повернулся.

— Знаю, — ответил он. — Пип сказал. Ещё вчера.

— Я хотел сам.

— Знаю, — мальчик поболтал ногами в воде. — Ты вернёшься утром?

Это он спрашивал всю зиму. Когда я уходил с Поста на хутор, вечером. «Ты вернёшься утром?» И я возвращался утром. Каждый раз.

— Не утром, — ответил я. — Осенью. Может, к зиме.

Ив подумал.

— Это как утром, — рассудил он. — Только долго.

— Да.

— И ты не врёшь.

— Не вру.

Он долго сидел молча. Потом вынул ноги из воды, встал на выступе, сунул руку в реку, по локоть, и пошарил там, на дне, у опоры. Вынул камушек. Гладкий, серый, речной, размером с перепелиное яйцо.

— На, — протянул он.

Я взял. Камушек был холодный. Не так, как бывает холодной речная галька. Холодный, как лёд в погребе. Он лежал у меня на ладони, и ладонь начинала ломить.

— Там жарко, — пояснил Ив. — За морем. Пип сказал. Когда будет жарко, держи.

Я сжал камушек в кулаке. Он не таял. Он был каменный и не мог таять. Но он был холодный, и я почему-то знал, что он будет холодным и через месяц, и через два.

— Он долго будет холодный? — спросил я.

— Пока я помню, — ответил мальчик.

Потом он сам потянул ворот рубахи вниз. Две жемчужные вдовы сидели у него на груди, у ключицы, там, где под кожей светилось голубое с белым в середине.

— Сними, — попросил он. — Всё равно порвутся. Пип сказал, ты будешь далеко.

— Ив…

— Я сам держу, — упрямо повторил Ив. — Немножко. Ты же видел зимой, — он посмотрел на меня. — А если не удержу, Рия поставит печать. Она обещала. И Лейн будет спать рядом. И Уна.

Я снял первую вдову. Медленно, нить за нитью, как снимают повязку с раны, которая уже почти зажила. Голубое у него на груди дрогнуло. Я ждал. Ив закрыл глаза и задышал ровно, глубоко, как учила его Тиль: раз, держу, два, держу. Голубое выровнялось.

Я снял вторую.

Вода вокруг его ног потемнела сильнее, и по ней от выступа побежала тонкая плёнка, белая, хрупкая, как первый ледок. Пробежала на два шага. Остановилась. Ив открыл глаза, посмотрел на неё и нахмурился, как хмурится Мэб на убежавшее молоко. Плёнка растаяла.

— Держу, — сообщил он.

— Держишь, — согласился я. И впервые с прошлой осени у меня стало двадцать восемь свободных нитей.

* * *

Ночью я сидел с Вардом на крыше. Последняя ночь. Корр внизу писал, Ив спал у него в углу, Бо стоял у двери опоры рядом с Горстом. Так и стояли, вдвоём, всю ночь, и молчали, и я подумал, что для них это, наверное, был очень долгий разговор.

— Люди с жуками на воротниках, — сказал я.

Вард не ответил.

— Ты знаешь, кто это. Ты знал Каэлена.

— Знал, — ответил Вард. — Недолго. Двадцать шесть лет назад. Он пришёл ко мне под мост, сел вот здесь, на этом месте, на этом ящике, и сказал, что в Хэлме седьмой горизонт, и что он плакал. Мы говорили о Хэлме. О Серпе. О том, как ему закрыть Сад изнутри, — он помолчал. — О своих он не говорил. Один раз только. Мы сидели вечером, и у Мэб на кухне по стене полз жук, обычный, рогатый, с реки. Каэлен посмотрел на него и засмеялся. Я спросил, что смешного. Он сказал: «У нас дома жуков носят, как у вас носят ордена. На груди. На воротнике. Чем больше жук, тем выше человек». И больше ничего не сказал.

— Род, — сказал я.

— Род, — кивнул старик. — Он был не из простых, твой отец. Это было видно. По тому, как он держал ложку. По тому, как он не умел мыть за собой миску, — он почти улыбнулся. — Мэб его научила. За неделю.

Я сжал в кулаке холодный камушек Ива.

— Они ломились в нашу дверь, — сказал я. — Зимой. Вежливые. Один сказал «простите».

— Знаю.

— Зачем?

Вард повернул ко мне голову, так, чтобы видеть правым глазом.

— Не знаю, — ответил мастер. — Может, за тобой. Может, за тем, что у тебя на шее. Может, просто посмотреть. Вежливые люди ломятся в дверь по самым разным причинам. Невежливые, кстати, тоже, — он снова отвернулся к реке. — Ты едешь туда, где все они живут. Там у тебя не будет ни моста, ни Мэб, ни Горста у двери. Там ты будешь сын Каэлена. А чей ты сын там, я не знаю. Никто не знает. Может, тебе обрадуются. Может, тебя убьют. Может, и то и другое, в один день, разные люди.

— Утешил.

— Я не утешаю, — отрезал Вард. — Я старый. Я говорю, как есть, — он встал, опираясь на мою руку. — Возьми Бо. Возьми Сэлин. Слушай Тиль. Ешь, когда дают. И не открывай каплю.

— Не открою.

— Это ты говоришь сейчас, — хмыкнул старик. — Посмотрим, что ты скажешь там.

* * *

Мы ушли на рассвете. Шестеро. Я, Сорен, Иса, Тиль, Сэлин, Бо с кедровой дубиной на плече.

Дагмар ещё не отчалила. Её корабль стоял у соляной пристани, и, когда мы проходили мимо по набережной, она стояла на корме с трубкой и смотрела на нас. Красильщица стояла рядом с ней. Она осталась на корабле ещё на день, пока Небо не придёт за ней с моста.

— Новолуние, — крикнула Дагмар. — Синяя пристань. Не опоздай, лесоруб.

— Не опоздаю.

— Все так говорят.

На мосту, у перил, стояли все. Мэб с хлебом, которого у неё хватило на шестерых, и ещё на одного, которого она сунула мне отдельно, «для Орре, скажешь, от меня». Уна у третьей опоры. Корр в окне мастерской, с пером. Дорн на пороге кузни, поднявший руку. Рия и Лейн, и между ними Ив, в больших сапогах, которые он отказывался снимать даже в жару.

Горст у двери опоры. Один.

На доске «КТО ГДЕ» у кухни, где каждое утро Мэб мелом писала, кто куда ушёл, напротив наших шести имён стояло: «ЗА МОРЕМ. ДО ЗИМЫ». А в самом низу доски, напротив Бо, там, где в прошлом году было написано «ВЕРНУТСЯ», кто-то приписал мелом, кривыми большими буквами, как пишут те, кто научился писать этой зимой:

«ВЕРНУТСЯ. УТРОМ. — ИВ».

Я посмотрел на это, когда проходил мимо. Потом прошёл.

Камушек в кармане был холодный, как лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.